

МЕТАДИПЛУМЕНОЕ МОДЕ

Вадим Васильев
Летаргическое море

«Автор»

2026

Васильев В.

Летаргическое море / В. Васильев — «Автор», 2026

Так что же такое Летаргическое море? Это безвременье. Это то что ушло навсегда. Это необратимость. Невозврат. То что ты понял однажды и уже не выкинешь из головы. Это рассказ Владимира Набокова “Облако, озеро, башня”. Это гипноз. Это транс. Это головокружение. Это интимность. Это мир без нас. Это Летаргическое море. Летаргическое море. Летаргическое. Море.

© Васильев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Нулевой день	5
Charlotte Sometimes	15
Экскалибур для антагониста	19
Последний альбом	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вадим Васильев

Летаргическое море

Нулевой день

*Мальчик рождается.
Мальчик изучает мир.
Мальчик становится мужчиной.
Мужчина стареет.
Мужчина хочет уничтожить мир.*

Rye Field "Манифест"

I

Если вначале было слово, то до него определенно был замысел.

Никто на всём белом свете не знал кто такой Rye Field и откуда он взялся. Японец, но родился в Англии, получал образование в Швейцарии и Франции, говорят, его видели в Берлине и даже в Москве, большой знаток Греческого архипелага, но живет он вроде как на затерянном ранчо в глубине одноэтажной Америки. Неопределённого возраста, словно Вилли Вонка в исполнении Джонни Деппа. Не молод, не стар. Суперстар. Чувствует и запад и восток. Колониальный юг и либеральный север. Имя, явно не настоящее, да и что это за имя вообще такое, Rye Field? С Rye ещё вполне понятно, скорее всего это искаженная форма японского имени Рюноскэ. Но Field? Что это, поле? А Rye – тогда рожь? Поле. Рожь. Ржаное Поле? Чувствуете, попахивает Сэлинджером.

Во всем феномен, а главное в том что смог стать таким популярным, будучи писателем в XXI веке. Не в XX, XIX, XVIII, когда писатель был априори селебрити. Когда главы государств не стеснялись вести дружеские переписки с мэтрами. Как вам например переписка Екатерины II и Вольтера? А Ганди и Льва Толстого? Но когда это было... Попробуй обрести такое влияние, будучи писателем сегодня! Не блогером, не репером, не стримером и прочей чепухой и шелухой. Он, Rye Field был настоящим, чистокровным прозаиком и настоящим Rockstar при этом. Будь то в Японии, на западе, даже у нас за занавесом! Связано ли это с недавним повальным увлечением молодежи айдолами, да и вообще всплеском интереса к азиатской культуре, не ясно. Но заметьте, до чего же схожи слова idol (идол) и idle (лентяй, бездельник).

Человек-загадка, сумевший подружить серьезную литературу высоколобых интеллектуалов и популярное чтение. Голливудские студии стоят в очереди, чтобы экранизировать его романы (всё же какие-то новости из-за океана до нас доходят). Даже дедушка Стивен Кинг наверное позавидует такой востребованности. Но при всём при этом никаких интервью, встреч с читателями, публичных появлений. Пара дюжин, если перекопать весь доступный интернет фотографий (сколько из них настоящих, история умалчивает). И ни одной цветной при этом! Одет, словно католический священник. Только белой колоратки (воротника) на шее не хватает. Или же как Нео из "Матрицы" (в связи с чем, конечно же существует ещё одна (не одна) конспирологическая теория). Худое лицо, с полным отсутствием растительности на нём, строгие черты, прямые черные волосы средней длины, всегда солнцезащитные очки. На левом запястье черные Hamilton Khaki Field на Натовском ремешке. Я это знаю во всех подробностях, потому что и моё запястье украшают такие часы. Красивые, даже слегка женственные руки, кольца на

длинных и тонких пальцах. Всё просто, но со вкусом. Тем не менее чувствуется во всей его натуре породистость. Сейчас таких людей мало. Выйди на улицу, пройди по заплеванным китайцами тротуарам, по многолюдным площадям столицы империи, взглядишь в лица прохожих. Ну что? То-то же! Глазу не за что зацепиться. Серая толпа, как бы не рядилась она в цветные одёжки, какие бы рюшечки, да финтифлюшки на себя не цепляла. Лица, лица их выдают! Не уродливые, нет, нет, но посредственные. А посмотришь на нашего писателя – сразу видишь, что человек это особенный. Разовый.

Ну вот и всё, больше ничего и не расскажешь о Rye Field. Свыше этого лишь домыслы. Дальше говорят только его книги. Волшебные книги.

Сначала ты думаешь, что это переоцененная чушь и долго к ним не подходишь, игнорируешь. Ну потому что не может шедевр быть настолько популярен. И не может откровение издаваться официально. Человечество просто не устроено подобным образом. Конформистское большинство любит жвачку и попкорн и всё тут! Потом ты даешь писателю шанс, почти стыдясь самого себя открываешь книгу и думаешь, что это пародия (но внезапно очень достойная) на Харуки Мураками. Такая же меланхолия, одиночество и потерянности, интимность и музыкальность, “свойскость”. Эх, жаль что Харуки больше не издают у нас... И не переводят профессионально. Ну да ладно... Заинтересованный читаешь дальше и по нарастающей в этот печальный мир изливаются краски, сыпятся смыслы, которые, кажется могут всё изменить. Разрушить любые стены... Во всём мире. В нас самих. Опыт, который не описать словами. Текст, кажется пробуждает в тебе какие-то новые, небывалые чувства и подобно синестету ты начинаешь слышать цвета, обонять запахи чисел, чувствовать вкус звуков... Космос, логос, откровение! Волшебство, да и только – вот самое подходящее слово для его литературы. Волшебство. Лучшая характеристика. Ты читаешь книгу запоем, за раз. Закрываешь последнюю страницу, смотришь на часы – почти утро. Время пролетело незаметно. Пьешь кофе на кухне или куришь на балконе. Спать уже не идёшь. Долго приходишь в себя. Снова пьешь кофе или куришь, после собираешься на работу. Весь день ты сам не свой и не только от недосыпа. Всё валится из рук. Ты хочешь поделиться с кем-нибудь своим открытием и не хочешь тоже. Боишься потревожить, расплескать те новые чувства, что поселились в тебе. В раздумьях едешь домой. Считаешь дорожные знаки или смотришь в окно в вагоне метро. И за ним в темноте пляшут линии проводов... И вот ты уже новый фанат мастера.

Популярность, поистине народная популярность и любовь окружают его имя. Взрослые дяди, не стесняясь едут в метро с его книгой в руках, подростки таскают драные оверсайзные майки с его портретом. На стенах заброшек, на рекламе в общественном транспорте, на резиновом поручне эскалатора метро, на новом железобетонном мосту над шоссе, по которому я не так давно ездил на работу, везде и всюду ты увидишь это странное имя: Rye Field.

Ты знаешь, что писать стихи – это паника. Забудь о личном, не суди, так будет правильно. Моя земля – болота на окраинах, её поэзия проста: мечты средь серости о рае, тоскою каждая строка стучит в наших сердцах и что ты будешь делать? Ведь паника – не страх, её не смоем смелость. Тебе и мне терпеть и знать что не дано исправить. Стихи средь ночи написать, а утром переправить через игольное ушко. Чтобы забыть, но помнить, как после бури хорошо, что хочется пожар устроить!

II

Каждый год, первого сентября выходит его новая книга и запускает волну. СМИ заполняются хвалебными отзывами, разборами, аналитикой и всяческими теориями... Потому что книги Rye Field на первый взгляд предельно понятны, но каждая из них оставляет глубокое послевкусие, некую тайну. Как тексты Роберта Смита из “The Cure”. Социальные сети бурлят

от обсуждений. Блогеры наперебой доказывают что это именно они поняли новое произведение правильно. Который этот год по счету? Седьмой? Нет, будет восьмой, вот-вот должен выйти восьмой роман Rye. И писатель не теряет форму, чёрт возьми! Напротив – что ни роман, то новое откровение. Казалось бы, куда уж лучше, куда глубже, серьёзнее и легче, невесомее при этом. Но таков Rye Field. За какую тему не возьмётся – дьявольское погружение. Чтобы писать так о чем-либо, будь то мореходство, охота или политика, шахматы или го, нужно каждому из занятий всю жизнь отдать и то будет мало. Но он, он словно прожил десятки жизней. Если он пишет о медицине, пишет как Гиппократ, о боге, то пишет как апостол Петр. Он знает уйму языков, выучил даже русский. Обходит любую цензуру... Мудр как Гамсун, аккуратен как Флобер, изобретателен как Кинг. А что нас ждёт впереди? Какие ещё сюрпризы приготовит мастер? Какую тему раскроет так, с такой стороны, как никто ранее не смог. Потому что ни у кого нет подобных инструментов. Хотя казалось бы, это просто язык! Бери ручку да пиши или печатай текст на клавиатуре. Но нет... Это так не работает.

Модернизм в своё время заменил классицизм, а его в свою очередь превзошел постмодернизм. Но это была нечестная борьба. Дикарь просто нарушил вето, открыв читателю табуированные темы. Через постель и туалет рассказал уже известные нам ранее истории. Но это не фейр-плей, а удар ниже пояса. То что сейчас делает с языком Rye Field – нечто совсем иное. Это истинная эволюция. Причём самых честных правил.

Да что уж, хвалить Rye слишком простое занятие. Если у него и есть критики, то их голос звучит так неуверенно, так бледно, что всем всё и сразу становится ясно. Ну в чём можно упрекнуть автора? В художественном плане у него просто нет современников. Так называемые коллеги по цеху могут только кусать локти и завидовать превосходству Rye. Обвинения в нарциссизме? А почему собственно и нет? Почему не быть нарциссом достойному человеку? Это ведь было бы предельно честно, вот давайте, не кривя душой. Да и быть нарциссом и затворником при этом... Ну такое. Макевиализме? Ну это то вообще здесь к чему? Rye Field – писатель, не политик. И это просто книги! Или не просто книги? Больше мне добавить нечего. Поэтому и писать о нём, о Rye Field точно не стоило бы, тем более мне (куда уж мне). Я ужасный графоман, да и слишком много думаю о себе, воображаю, хоть и понимаю это. Но чего я стою? Владимир Набоков говорил, что он не оратор и ему нужна бумага. Я тоже хочу так говорить о себе, но я ещё и бестолочь и постесняюсь излить на бумагу всё то что думаю, чтобы не допустить вороха ошибок. Получается, что не сказать, не написать всё то что теплится внутри меня я не могу. Замкнутый круг. Но я чувствую, всё чувствую, просто поверьте на слово.

И я не стал бы писать о Rye, но случилось событие, а именно то, что на календаре уже вторая неделя сентября, а новой книги Rye Field всё нет. Впервые за восемь лет. И уже первого сентября главной новостью стало её отсутствие. Ирония в том, что не пропади Rye Field, выпусти он книгу первого сентября, главной новостью тоже была бы его книга. А так её отсутствие стало не меньшей новостью, если не большей. Получается, что для общества шедевр и его неимение по сути равноценны.

Второго сентября главной новостью стало отсутствие каких либо комментариев по этому поводу со стороны издательства. Издательство в свою очередь только пятого сентября, в понедельник, выпустило короткий релиз, в котором открестилось от всякой ответственности. В нём говорилось о том что никаких контактов автора у них нет, писатель сам выходил на связь когда ему это было нужно и вообще использовал анонимный почтовый ящик. Их лучший писатель бесследно исчез и никакой другой информацией они не обладают. И даже будут очень признательны, в том числе финансово, кому бы то ни было, если он поделится с ними информацией, при её наличии. Тут-то и начинается эта странная и запутанная история.

Это зимний пейзаж с ловушкой для птиц, небо – скомканный лист тетради, полной когда-то залитых страниц кровью и слезами, кровью и слезами. Это мрак за окном, дождь

летит на гранит на краю обезумевшей в танце планеты, где на самом краю открывается вид, где Муми-Троль догоняет кометы. Это как натюрморт в пастельных тонах: яблоко, роза прилегли на пюпитр, что мелькает во всех заблудившихся снах, при открытом окне я закутался в свитер. Это ночь без конца, это выпавший снег. Ветки осин, на ветру, словно пьяный, что шатается в них пока идёт век, это октябрь, это октябрь.

III

Исчезновение такого известного человека ожидаемо ещё добавило ему популярности. Даже все наши СМИ, и крупные и местечковые так или иначе написали об этом. Даже те, что не освещают подобные темы. Было очень забавно видеть, как например прикормленные государством бизнес-газеты и IT-ресурсы пытаются впихнуть исчезновение Руе в свой контекст. Появилось множество конспирологических теорий. Аннуаки, масоны, рептилоиды с планеты Нибиру, FBI, Моссад, MI6, Англосаксы, Кремль, Габсбурги, Ротшильды, иллюминаты и пришельцы с планеты Омикрон-Персей Восемь. Выбирай что нравится, нужное подчеркнуть. Лента известного видеохостинга запестрела сотнями роликов на эту тему. Ораторы соревновались в пустословии и кликбейтных заголовках. Один блогер объявил награду за поиски, другой наоборот начал сбор денег (серьёзно?), третий на голубом глазу доказывал, что такого человека как Руе Field на самом деле никогда и не существовало, а его книги и маркетинг вокруг них – плод работы профессионалов, литературных негров или вообще искусственного интеллекта.

Лично я больше склонялся к другому варианту. Мне виделось что мастер устал от свалившейся на его плечи популярности и просто ушёл от общества. Стал затворником, как тот же Пинчон или Сэлинджер в своё время. Сэлинджер, который мне мерещится и в имени сэнсэя. Или же он открыл в своих поисках нечто такое, что нельзя было открывать. Я почти убеждён, что существует некий порядок действий, совершив который можно всё понять. Обо всём и обо всех. И пропасть после. Аннигилировать. Например, прочитал ты вслух какие-то слова в определенной последовательности, в нужной тональности, поднял осенние листочки с земли и сложил их в правильном порядке, собрал руны из щепок, сидя ночью у костра, открыл дверь, за которой ничего нет, поднялся на чердак заброшенного дома, заблудился в лесу, ввёл неповторимый шифр на циферблате, оказался в нужное время в правильном месте. И всё понял. "Про шум дорог и красоту сирени" – как пел Юрий Шевчук в песне "Пропавший без вести". Вот он то давно всё понял... Но после того как тебе откроются подобные знания, ты не сможешь больше оставаться в этом мире, на планете людей и исчезнешь, исчезнешь, исчезнешь...

В общем дни шли, Руе так и не было и становилось всё забавнее и забавнее за этим наблюдать. И думать, думать самому, переживать, потому что и мне эта тема была близка и интересна. Да, да, я, как вы уже догадались тоже был поклонником мэтра. И ещё каким! Я – его главный фанат! По эту сторону океана точно. Но это сразу лежало на поверхности... И скажу больше, я всегда ощущал некую связь с кумиром. Читая между строк, я ловко выуживал в его книгах что-то ещё кроме сюжета, красоты языка, сложности метафор и всего того что можно просто понимать из текста. Было нечто большее. В окончаниях, в диагоналях книжных страниц. В цветных переплетках. Даже в том, что он японец, а я русский. Я, если хотите – Купринский "Штабс-капитан Рыбников"! У нас, русских и японцев есть много общего на самом деле. Не только морская граница, Русско-Японская война и спорные территории. Мы похожим образом думаем, чувствуем. Наш внутренний голос похож. Наше внутреннее одиночество, если ещё глубже. Мы вместе – печальные жители Земли. Ещё Акутагава об этом говорил, искренне восхищаясь русской литературой, в частности Толстым и Тургеневым. Чего только стоит его рассказ "Вальдшнеп"! И помимо этого хватало в нём и Гоголя и даже Чехова. Да и читая того же Харуки Мураками, я всегда ощущал некую родственность наших душ. Считаю себя одиноким человеком, в хорошем смысле слова. Не в том, что у меня никого нет, есть.

Можно иметь и жену и детей, любовниц и друзей, но оставаться в определенном смысле одиноким. Лелеять своё одиночество, оберегать его для себя. Для меня одиночество – отчасти синоним слова “самодостаточность”.

И так, я читал между строк. Все семь книг мастера ранее были прочитаны мной, как говорится вдоль и поперёк. От корки до корки. Даже оформление обложек (и суперобложек) я изучил с тщательностью. Знал имена художников, работающих над оформлением и их бэк-граунд. Но когда сэнсэй пропал, я снова вернулся к изучению его трудов. Я знал, что где-то там, в этих страницах спрятано то, что откроет мне загадку его исчезновения. И не только. Я всегда знал. Знал, что случится что-то такое. Уже чувствовал это ранее, читая текст, но не мог ухватить “жар-птицу” за хвост. Но теперь пришло время. И пускай блогеры и журналисты выдумывают себе что-то там, ничего они не смыслят. Дурни! А вот я найду нашего кумира.

И тут меня осенило. Мне показалось, что всё было очевидно. Семь книг мастера лежали на моём столе в хронологическом порядке и каждая из них внезапно в своём оформлении соответствовала цвету радуги: красный, оранжевый, желтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый... И как я этого раньше не замечал? А что, если всё просто: цвета закончились. Может быть это всё, конец, и сэнсэй больше не собирался ничего писать? Свои пятнадцать минут славы, как говорят за океаном получены. И этого ведь достаточно для наследия... Великое семикнижие. В нём есть всё и обо всех, от младенца до дряхлого старика, от бездомного до олигарха... Мужское и женское. Правые и левые. Маленький человек и глыба. Свет и тьма. Божие и Кесарево. Все чувства, доступные людям. Всё-всё... Семь книг, как семь цветов радуги. Такие разные и в тоже время одно целое. И почему никто не догадался до этого кроме меня? И был ли у автора где-нибудь хоть намек на это?

И я принялся перечитывать книги Руе, одну за другой, в хронологическом порядке. Времени у меня было полно. Я уже говорил, что я бездельник? Если нет, то смело признаюсь в этом. Статью за тунеядство, благо ещё не ввели (не вернули). А если и вернут, закон не имеет обратной силы. В теории конечно... А теория, как известно не должна отличаться от практики, но на практике...

В общем я, не выходя из дома и удобно расположившись в отделанной под лофт и застекленной кое-как лоджии (но осень выдалась теплой), пил зелёный чай (хоть я и фанат кофе, но для чтения работ мастера всегда предпочитаю зелёный чай), закусывал его тайяки (японскими печеньками в виде рыбки) и читал романы мастера.

Мне снятся, словно это не со мной пустые города зимой. И летом снится, словно бес, мой канувший давно отец. Мне снится холод или зной, как-будто это не со мной. Моя земля, уже чужая и рожь у пропасти, у края. Мне снится, что хочу забыть, и оборвать с вчерашним нить. Что было в общем зря, напрасно, а что и вовсе глупо и опасно. Мне снится соль земли и море, надежда, счастье или горе. И снится бабушка, которой нет уже как целых двадцать лет. Мне снятся шахматы и Чехов, дороги отмечают вехи. Разбитый трон и ржавая корона, Химера, Бегемот, Горгона. Мне снится, словно это не со мной весь белый свет земной. И если продолжать примеры, мне снятся даже лангольеры.

Это случилось ровно на экваторе, а могло бы и вовсе не случиться, если бы я не курил раньше. Вот вам и вредная привычка! Видимо всё было не зря... “Woah-ooh, ooh-ooh, my bad habits lead to you”... Дело в том, что бросив курить какое-то время назад, я так и не бросил привычку таскать с собой всюду зажигалку. И не только таскать, но и щёлкать ею в долгие минуты размышлений и нервных переживаний. Как говорится, если меч понадобится один только раз, самурай должен носить его всю жизнь. Последняя зажигалка, которая осела в моём кармане – синяя пластмассовая китайская безделушка с пьезо поджигом и ультрафиолетовым фонариком на другом конце, им можно якобы проверять купюры на оригинальность. Не знаю, деньги

не проверял. Но знаю, что дочитав третий роман мастера ровно до середины, погруженный в мысли я, судорожно щелкая фонариком внезапно для себя увидел на странице книги ответную реакцию. А именно: между строк (а что я говорил!), в ультрафиолетовом свете горели две строчки цифр. Не знаю, настолько ли сильны мои познания в географии, но я сразу распознал в цифрах географические координаты. Дальше меня уже было не остановить. Запрос в навигаторе выдал точку на северо-востоке Вепсского леса. Это что-то вроде заповедника, в Санкт-Петербургской губернии, почти на границе с Вологодской волостью. Да да, здесь, в Российской Федерации. Ну а где ещё, если книга издана на русском языке. Место среди деревьев, вдали от городков и деревень. Под огромной фигурой Онежского озера. Путь туда от моей обители займет восемь часов, одиннадцать минут. Хм, ну что ж... Сердце волнительно отозвалось в груди.

Говорил ли я, что я бездельник? Или это можно было понять из текста. Мне никуда не нужно было идти, сегодня, завтра, никогда. Моя работа... А впрочем не будем об этом. Её не было. Но некоторые сбережения ещё имелись. Я просто собрал немного самых необходимых вещей в рюкзак (зарядка для смартфона, пауэрбанк, складной нож, нижнее бельё, носки и предметы гигиены) и решил выдвигаться на утро в путь. По-легкому поужинав остатками стейка с простым салатом и почистив зубы, я отправился спать. Но когда я лег в постель, всё моё существо явно дало понять, что спать сегодня оно не собирается. Меня рвало на части от различных чувств. Что находится в указанной точке? Не чья-то ли это дурная шутка? Или рекламный ход издательства? Я встречу там кумира? Как это будет? Что произойдёт? Что я ему скажу? Пожму ли руку? Достоин ли я этого? Но ведь это я нашёл загадку... А значит точно достоин. Я ворочался, крутился с бока на бок. Наконец лёг на спину и смотрел в серый потолок. Ночью все кошки серы – зачем-то вспомнилось мне. Было жарко. И подушка казалась неудобной, и руки мешали и я не знал куда их деть... Сердце было не удержать в груди.

В общем через какое-то время я встал, спешно оделся, полил все цветы в доме, закрыл дверь на два замка и вышел наружу. На улице стояла нетипичная пусть даже и для ночного мегаполиса тишина. Но ночь была приятна и даже нежна. В воздухе пахло приближением настоящей осени. Я сел в машину. Термометр опустился до семи градусов по Цельсию, хотя днем было около двадцати! Что уж, сентябрь, плавно переходящий в октябрь... На ближайшей заправке я наполнил целый бак бензином и ещё двадцатилитровую канистру в багажнике прозапас. Кто знает, как там обстоят дела с заправками. Ещё никто не забыл бензиновый кризис, когда топливо разом пропало из продажи по всей стране... Дополнительная канистра в багажнике прописалась там с тех пор. Я купил три больших кофе, который по старой привычке называю “американо”, хоть это слово у нас уже практически под запретом. Кое-как донес их до машины не расплескав и занял все свободные подстаканники. Я взял три американо, чтобы их хватило надолго. Ничего, что кофе остынет, так даже лучше, мне нравится холодный чёрный кофе. Остыв, он обретает другой вкус. Так же, как если добавить в кофе сахар, его вкус поменяется кардинально. Это будет не привычный для меня чёрный кофе плюс сахар, это будет совсем другой напиток. В общем о кофе, как вы уже догадались я могу рассказывать долго. А если добавить к этому сигарету... Красный Marlboro, с рыжим веснушчатый фильтром... Ммм... Но я больше не курю, а только таскаю с собой зажигалку.

Ночью дороги города были почти свободны, светофоры мигали теплым жёлтым светом, а асфальт был тёмным от росы. Мутное небо над городом было слегка подсвечено розовым. Через полчаса я уже съезжал с кольцевой дороги на нужное мне шоссе, оно тоже было полупустым. За окнами ярко мерцали и тут же уносились вдаль бесчисленные оранжевые фонари – пережиток прошлой эпохи. Постепенно их вытесняют новые светодиодные лампы, белые, яркие, но такие холодные и неудобные глазу. А главное какие-то совсем чужие. По мере удаления от города фонари пропадали, а небо всё больше синело и обнажало бесчисленные звёзды. В какой-то момент в мире, кажется осталась только моя машина, чёрная как космос дорога и

эти звёзды. В салоне автомобиля крепко пахло кофе, я был бодр и предвкушал что-то важное. Впереди была целая ночь дороги и мне хотелось провести эту ночь именно так.

IV

В середине моего пути на мир опустился густой туман. Уставшими глазами я цеплялся за однообразную дорогу, чередующую тонушие в дымке поля и леса. По обочинам то тут то там мелькали огоньками через мутную пелену тьмы то ли светоотражающие наклейки на придорожных столбах, то ли глаза диких животных. Кофе давно был выпит, мятные леденцы, так удачно найденные в бардачке машины съедены, любимая музыка прослушана с десятков раз, а все мысли передуманы.

В какой-то момент стало зябко и я выкрутил климат на двадцать четыре градуса. И очень скоро я согрелся, но от тепла стал клевать носом. От переутомления за рулём моё время всегда замедляется. Неспешно тянутся минуты, если идёт дождь, то взмах дворников по ветровому стеклу плывёт словно ты видишь его в слоумоушн. Глаза учащенно моргают, то ли сохнут, то ли слезятся, скорость уменьшается. Вскоре я заметил, что еду уже совсем какие-то несерьёзные шестьдесят пять километров в час. А мне казалось быстро... Что забываю выключить дальний свет и редкие встречные машины то и дело моргают мне, кажется выжигая глаза своим ярким светом. Попутные автомобили, а их тоже было немного, сначала приближались в зеркале заднего вида, нервно висели на хвосте, а после обгоняли меня и уносились вдаль за горизонт. Ночь тем временем перешагнула за свой экватор. Я сделал температуру прохладной, чтобы немного взбодриться, но это уже мало помогало мне. Время тянулось мучительно медленно. Наконец, поймав уставшим взглядом так удачно подвернувшийся, словно во сне, знак кемпинга на обочине я свернул с дороги на первом съезде. Так я оказался среди спящих фур на асфальтированной площадке на окраине леса. Припарковался где-то скраю. Одним движением разложил кресло в горизонтальное положение, закрыл глаза сгибом локтя и тут же провалился в прерывистый и нездоровый сон.

Мне снилось серое море, дикий вишневый сад, стрелки часов в коридоре, тикающие непонятно, брызги огня или солнца, тропы в долине реки, заплёванные колодцы, и тлеющие угли, холодные краски неба, шелест осины в лесу, корка сухого хлеба, тихий полёт в пустоту, синицы не ветках ели, сороки на проводах, пьяные свиристели мерзнувшие в снегах, снились порожние ведра, чёрный безродный кот, танцующие чьи-то бёдра и песня Агаты "Поход", строки Басё, шепот ветра, танки, поэмы, стихи, теплые дни того лета, в домике что у воды, песня "The Last Day of Summer" или "The Last Day on Earth", плачущие ставни в старой избушке и зев дома-колодца на Мойке, где дождь поливал поутру, мне снилось серое море в диком вишнёвом саду.

Рассвело только после семи. Туман плотной пеленой висел над деревьями, лес за окном ржавел. Я проснулся уставшим, после тяжелого сна, было душно и зябко при этом. Окно напротив головы густо затянуло испариной от дыхания. Я открыл дверь автомобиля и в лицо тут же ударило холодным, почти морозным свежим воздухом. Тяжело пахло палой листвой. А вы замечали, что она пахнет грецким орехом?

Приборная панель оживилась, продемонстрировав время и температуру. На часах было сорок минут восьмого, температура – всего плюс два градуса. Я накинул капюшон толстовки на голову и вышел на улицу, потянулся. Осень здесь уже полноправно вступила в свои права, пожухлая трава, рыжий лес, с торчащими из него зелеными треугольниками елей. На их фоне желто-красная листва только выглядела старше. А ещё вчера днём я был почти в лете. За окном моей спальни стоял ещё вполне зелёный клён. Ну ладно, с желтой проседью. Ещё вчера

я без дела прогуливался по Неглинной и на термометре было чуть меньше двадцати градусов. Сегодня же я был в настоящей осени, а прошла лишь одна ночь! Вот если бы ехать на верхний край карты дальше и дальше и дальше... И листья вскоре опадут совсем, а после и деревья исчезнут. Так и окажешься в конце концов в вечных снегах, посреди ледяной пустыни, где от белого цвета болят глаза, где если исчезнешь, то уже наверняка...

Было прохладно и хотелось есть. Я достал смартфон, но суверенный интернет здесь не работал. Полистав карты в навигаторе, заблаговременно скачанные в оффлайн, я нашёл сетевую заправку неподалёку, оставалось надеяться, что информация была актуальная и она ещё работает. В животе урчало. Я выехал и добрался до неё за двадцать минут. Всё было в порядке. Там я позавтракал двумя шоколадными круассанами и кофе. Как же здорово, что после всего произошедшего за последние годы, такие приятные мелочи жизни, как кофе и круассаны остались с нами! Уверен, что наличие этих базовых радостей отделяет нас от реальной антиутопии. Я снова заправился бензином под завязку и умыв лицо в уборной, вернулся в машину. Так было определено лучше. Иногда для радости нужно совсем немного.

До нужной мне точки оставалось всего сто сорок километров. Где-то два часа – прикинул я. Через два часа мне откроется тайна. Сердце проснулось, снова тревожно задрожав в груди. Мне захотелось даже отсрочить это событие. Чтобы не было так волнительно, чтобы то что меня ждёт подождало ещё. Ведь иногда ожидание, предвкушение лучше события. Ну вот случится всё, после закончится, а что дальше? Скучная жизнь?

Ну что поделать, не буду же я сидеть в машине в лесу, когда такое (!) совсем рядом – заспорил с этими мыслями другой внутренний голос. Потом мне вдруг подумалось, что ведь кто-то может меня и опередить. Впервые подумалось. А ведь и действительно, мой экземпляр книги скорее всего ничем не отличается от остального тиража, а он был огромен. Куплен в обычном книжном магазине. Неужели эта прорва народа, что так же занимается поисками мастера не найдёт умышленно то, что я нашёл почти случайно? Нужно было ехать и я, словно участвуя в соревновании выдвинулся в остаток пути.

V

Указанная в навигаторе точка оказалась хижинкой в лесу. Её не было на карте. На карте, даже самой подробной был лес, была гравийная дорожка, которая извиваясь уходила в глубь него и заканчивалась ничем. Просто прерывалась в чаще. Таких дорожек в лесах миллион. Но у меня были точные географические координаты. И они, если смотреть на карту были просто гущей леса, но на самом деле были спрятанным в ней деревянным домиком. А лес был хорош... В том месте, где дорожка резко поворачивала вправо, как бы отвлекая путника, в углу противоположному повороту за разросшимися кустами можжевельника шла ещё одна тропка, секретная. На машине туда было не проехать и оставив её прямо между деревьев в глубине леса, я продолжил свой путь пешком. Хотя путь – это слишком громко сказано, потому что уже через метров двести я увидел старую грязную черепичную крышу, которая когда-то кажется была красного цвета. Под ней, как под шляпкой гриба спрятался небольшой деревянный дом. Он смотрел на меня единственной дверью, которая выделялась светлым деревом на фоне тёмного сруба. Дом был словно спрятан, отойди на пятьдесят шагов и его не заметишь. Вокруг него не было ничего рукотворного, никакого дворика, забора, только лес. Только лес до небес. Сосновый бор, с высокими и прямыми как корабельные мачты деревьями. И приятный носу хвойный запах. Я замедлил шаг, прислушался. Ничего, только звуки природы. Щебет птиц, ветер. Дорога была уже далеко отсюда. Я медленно дошёл до порога хижины. Медленно достал руку из кармана. Медленно потянул за ручку двери, она легко подалась и...

Внутри не оказалось никого. Но ощущение, схожее с дежавю тут же посетило меня. А ещё показалось, что за мной следят. Обстановка для такого домика была ожидаемо простой, даже

спартанской. Вся мебель была незамысловатой, грубой и кажется была построенной вручную. Но внутри было предельно чисто, буквально ни пылинки, ни паутинки. Весь дом составляло всего одно помещение – идеально квадратная комната со стороной примерно пять метров. Единственное что было необычно – сводчатый потолок, а следовательно и отсутствие чердака. Но это придавало небольшому помещению дополнительный объём. Так определенно “легче дышалось”. Строго напротив двери находилось единственное окно. Перед ним квадратный деревянный стол. Один стул, будто-то бы выточенный из пня. Почти у входа по одну руку от меня находилась Венская печь, с неким подобием духовки, где по видимому когда-то готовили пищу. По другую также деревянная односпальная кровать, аккуратно застеленная синим армейским одеялом с тремя черными полосками. В помещении было достаточно светло, хотя в доме и не было других источников света, кроме прикрытого светлой занавеской окна. Но окно судя по всему намеренно выходило на юг, таким образом в доме должно было быть светло большую часть дня. Электричества здесь конечно же не было.

Длинный и пёстрый ковёр крупной вязки лежал у ног. По правую руку от стола стояли простые, по всей видимости сделанные из дуба не застекленные книжные шкафы в количестве двух штук. Внутри калейдоскоп из самых разношерстных книг. Разные языки, времена, жанры, техническая литература и беллетристика, дорогие редкие издания и потёртый ширпотреб в мягком переплёте. По левую руку большое ростовое зеркало в массивной бронзовой оправе. На столе лежала раскрытая на первой странице толстая рукопись, написанная простым карандашом. На первый взгляд почерк мелкий, аккуратный. Никаких исправлений, помарок, опечаток. Читается на ура, хоть и выведено карандашом. Две половинчатых свечи на простейшем подсвечнике. Пустой октагон хрустальной пепельницы и непочатая пачка красного Marlboro. Миниатюрная шахматная доска, с расставленными на ней фигурами. Был ли в их расположении заложен какой-то смысл? Не знаю, я не силен в шахматах. На столе, как и в остальном доме безупречный порядок. Справа, как по линейке лежат канцелярские принадлежности. Я отчего-то обратил внимание, на то что карандаши были идеально заточены.словно иглы! Слева стопка пронумерованных карточек. Ранее я видел подобное в музей-квартире какого-то писателя. На карточках алгоритмы, рисунки, предложения, отдельные слова, помарки, исправления, стрелки, кляксы – в совокупности скелет книги. Новой? А рукопись – это что, она? Да. Это же прекрасно! Вот так сюрприз, я стану первым читателем нового произведения мастера! Я сразу же сел за стол и уткнулся в текст.

Да, это была она, новая книга сэнсэя. Как я это понял? Да очень просто! По волшебству, по связи, которая была всё ещё жива. Никто, кроме Rye Field не писал так. Текст просто тут же засосал меня в свою бездну и в миг померкло и исчезло всё вокруг: стол, кровать и полосатое одеяло, дверь и Венская печь, окно и светлая занавеска, сводчатый потолок, пёстрый ковёр, острые карандаши и шариковые ручки, точилка и шахматы, карточки, пол из светлого дерева, книжные шкафы, свечи, тишина и звук, запахи, свет и даже я. Остался только замысел автора.

Приключение и страх, лёгкий, как французский фильм, Кобо Абэ, что в песках изобретает жизнь. Мягкий, словно пух, твёрдый как гранит, путешествие, испуг, просто друг из книг. Просто друг из зеркала, охотник на овец, кто укажет стрелками на ответ. Юкио Мисима, лишь в который раз, расскажет нам про силу и экстаз. Путь у самурая, событие в аду, я стою у края, жду. Мой любимый Sputnik и Норвежский лес, Расёмон, где путник или просто бес. Только в этих буквах, в глубине глубин острый нож разрубит полумесяц-сыр. Затянула книга, став её обложкой, раскусил интригу или понарошку. Это сон, ведь правда? Я сошёл с ума? Будет что-то завтра? А? Он глядит из зеркала, я гляжу в него, буквами мелкими тянется письмо. Тянется дорога и приводит в лес, где после порога я взял и исчез.

Вынырнув из этого вязкого омута, как из забвения, я вновь обнаружил себя за столом. На улице смеркалось, в комнате уже было чуть видно окружающие предметы. Прошёл целый день! Словно за мгновение. Я протер уставшие глаза руками. Они чесались, их щипало, так словно под веки попал песок. Я пригляделся. Передо мной в теплом полумраке всё также лежала открытая книга. Её желтые страницы контрастно выделялись в темноте. Только теперь книга была прочитана, потолстев на левую сторону. На последней странице жирным шрифтом по-французски было написано слово “fin.” – конец. Именно так, с маленькой буквы и с точкой в конце – фирменный знак мастера. Я закрыл книгу. Обложка была иссиня-черного цвета, как крыло ворона. Она слегка переливалась в темноте. В правой руке я держал зажигалку, пепельница на столе была полна окурков. Остатки вечернего света отражались в большом зеркале по левую от меня руку. Я посмотрел в него. Из зеркала на меня смотрел писатель.

*Я смотрю на себя в зеркало
Я смотрю на себя из зеркала
В зеркало я смотрю из себя
Из зеркала на меня смотрю я*

Алексей Румянцев

22-26 августа 2025
Санкт-Петербург, Вуокса

Charlotte Sometimes

All the faces

All the voices blur

Change to one face

Change to one voice

Robert Smith

I

Весна в этом году вышла ранняя. Она точь в точь совпала с календарем. То есть закончился промозглый февраль и в первый же день марта на улице потеплело. Из-за туч вышло солнце, что пряталось там четыре месяца к ряду, снег очень скоро растаял, а лёд на Даугаве потемнел, распался и как-то слишком быстро ушёл в Рижский залив. Однажды, проснувшись на утро я выглянул в окно – а его и след простыл. День стал заметно прибавляться. В середине марта на газонах зазеленела новая трава, яркая, сочная, то тут то там повылазили первые цветы – подснежники и мать-и-мачеха. А в воздухе лениво зашевелились пчёлы и бабочки. Люди тоже скинули зимние одежды и наслаждались первым теплом. И я был в их числе: несколько раз опрометчиво вышел на улицу в рубашке с коротким рукавом, радуясь нежным лучам солнца и в итоге простыл. Ведь весеннее тепло как известно обманчиво.

В двадцатых числах марта, на мой телефон регулярно стал звонить один и тот же неизвестный номер. Иногда по два-три раза на дню. Я никогда не беру трубку с незнакомых номеров, жизнь моя давно размеренна и я не жду звонков от кого-то, кого нет в моей телефонной книжке. Ни новых друзей, ни заманчивых кредитных предложений мне не нужно. Но телефон звонил день за днём. Монотонно, с одного и того же номера. Я пробил его в интернете – ничего. Ни единого результата. Наконец я поднял трубку. На другом конце была русская речь. Звонила девушка. Её звали Мария. Какая Мария? Маша. В которую я был раньше влюблен. Когда? В первых классах средней школы. Двадцать лет назад? И даже больше. В том возрасте, когда уже влюбляешься всерьёз, но никогда в этом не признаешься. Ни ей, ни даже лучшему другу. Наверное у неё было то же самое ко мне. Или мне хочется так думать.

У нас тогда была компания. Два парня, две девушки. Я, Сергей, Маша и Лена. Мы были одноклассниками и никогда особо не замечали друг друга, как бывает в средней школе, пока в начале сентября классный руководитель не озадачил нас какой-то совместной работой. Чем именно? Вот хоть убей уже не вспомню. Сколько лет прошло! Но после этого мы вчетвером стали дружить. Оказалось, что и жили мы в двух соседних домах, соединенных между собой аркой. Всю осень и зиму мы ходили в школу вместе, без конца гуляли, болтали, шутили, смеялись. Я был до невозможного влюблён в Машу, Сергей в Лену, что была выше его на полголовы. Но мы молчали о своих чувствах. Даже с Сергеем не обсуждали это между собой. Но всё знали и так. Что он любит Лену, а я Машу. Время шло и какие-то отношения казалось вяло текли, пусть даже в виде дружбы. По неопытности мне было трудно сделать дальнейшие шаги, но ведь так здорово иметь хотя бы возможность находиться рядом с объектом своей любви. Иногда, вырвавшись из компании провожать её домой, ненароком заглядывать в глаза, а после в мечтах бежать к себе... Воображать.

Но потом она внезапно исчезла. Посреди учебного года. Как после мы узнали – уехала в Казахстан. Об этом нам рассказала классный руководитель. Я посмотрел на большую политическую карту мира, что висела на стене в нашем классе. Зелёный Казахстан ютился где-то

рядом с фиолетовой Монголией под огромной розовой тушей России. И это было очень далеко от Санкт-Петербурга.

Почему? Зачем она уехала? Не знаю. И никто не знал. Сейчас понятно, что за неё тогда всё решали родители и это был их выбор, но ведь можно было что-то сказать нам, оставить адрес для переписки, телефон, попрощаться в конце концов по-человечески. Но она этого не сделала, а просто в какой-то день не появилась в школе и больше никто и никогда её не видел. Когда Маша исчезла, наша компания как-то сразу же распалась, и я, Сергей и Лена перестали общаться друг с другом.

Найти её у меня тогда не было никакой возможности. Прошли годы. Многие стали забываться. Когда появился интернет, я как-то несколько раз искал её в социальных сетях, но всё впустую. В местных, иностранных... Я знал достаточно, чтобы найти её: имя, фамилию, год и дату рождения. Но Маши не было нигде и даже никаких следов её я не встретил в интернете.

Шли годы, я влюблялся, встречался, расставался, женился, развелся и время от времени мои мысли возвращались к ней. Такими странными воспоминаниями... Внезапными, обычно по утрам, сразу после пробуждения. Что это были за воспоминания? Почти все не зрительные. Словно в темноте. Будто наощупь. Я вспоминал её волосы. Длинные и прямые. Тёмные? Вроде бы да. Абрис... Стройную фигуру, но почему-то всегда со спины. Какие-то скулы, но никогда не глаза. Вспоминал её ровный почерк, со странным наклоном влево. Длинные белые пальцы. Помню, как провожал её до дома после школы, была осень и воздух был пропитан запахом горелой листвы. И день был ясным, а небо было голубым-голубым... А сейчас вообще жгут костры из палых листьев? Почувствовать бы этот запах снова. Остался ли он таким же?

Помню её аудио-кассету The Cure, в поцарапанном футляре, с загнутым уголком обложки, которую я пробовал слушать. Потому что она так нравилась ей, но мне она совсем не понравилась. О чём я конечно же не сказал Маше, и делал вид что тоже тащусь от The Cure (что через двадцать лет таки стало правдой). Что это был за альбом? Disintegration? Wish? Или просто пиратский сборник песен? Даже цвет обложки не помню, не говоря уже о песнях. Я слушал Агату Кристи и не понимал тогда, насколько всё это было вдохновлено The Cure. А больше ничего такого я не помню, только ощущения. Тепла, радости... Первой любви. Чего-то светлого, что не успело испортиться. Не успело толком начаться и завершиться тем более, застыв в самом истоке.

И вот прошло... Двадцать лет? Страшно осознавать такие числа. Как всё-таки быстро жизнь проходит. Двадцать лет! Сколько же всего случилось за эти годы. И я тоже давно уехал из нашего района, потом из нашего города. Из нашей страны в конце концов. Сначала в Беларусь, потом дальше на запад, аж до самого Ла-Манша. Сделал петлю и чуть было не вернувшись обратно, осел в Риге. И вот эта ранняя весна, подснежники и бабочки, простуда, и вот эти звонки, этот разговор... Привет. Это. Мария. Маша. Сердце моё словно оторвалось и упало на пол... Спустя столько лет она звонит мне! Она в Риге! Невероятно! Пальцы стучат по столу... Тук-тук-тук, тук-тук-тук... А в голове туман. От болезни? От... любви?

Она смотрела фотографии с корпоратива подруги. Увидела меня. И сразу узнала. С ума сойти! И ведь бывает же так. Оказаться вдвоем, спустя столько лет в чужом, совсем не очевидном городе. Узнать на фотографиях среди опять же чужих и взрослых людей школьную любовь (хочу так думать)! Вспомнить. Мы сразу договариваемся о встрече. Конечно! А как иначе. Сегодня же. Я говорю, что отменяю все дела (которых на самом деле и нет). Простуда? Чепуха! Температура небольшая. Наверное. Не важно... Ну голова болит... Терпимо. Подошел к зеркалу. Выгляжу вполне нормально. Только уши красные. Туда-сюда, поправил волосы. Побрызгался остатками Расо Rabanne Black XS. Почистил зубы. Надел любимый черный кардиган поверх базовой белой футболки. Времени ещё достаточно... В каком смысле? Да во всех. До встречи. И вообще, даже для того, чтобы начать жить заново. С чистого листа. Какие наши годы?! Бросить всё и уехать с ней куда-нибудь... Обратно, в ещё морозный Санкт-Петербург?

Или к теплому морю? Может быть в Нью-Йорк? Откуда, как говорил Довлатов, можно бежать только на Луну...

Выезжать ещё рано. Убиваю как могу время. Пью кофе. Отбиваю коленом нервный мотив. Не успокоиться. А ещё всё таки чувствую себя неважно... Температура растёт что ли? Но не отменять же встречу.

Вспоминаю её, вспоминаю, но ничего кроме описанного выше из памяти не вылавливаю. Какие-то волосы, плечи, мышино-серый джемпер, слова на бумаге... Но и этого достаточно чтобы сойти с ума. Ещё рано, но я всё же выезжаю, ведь ждать дома невыносимо. Дороги как назло почти свободны, а я сейчас бы и постоял в пробке. Заехал в любимую кофейню в районе рынка. Сколько кофе я сегодня выпил? Сердце сейчас точно выпрыгнет из груди. Еду дальше. Stockmann, Здание Академии наук, железнодорожный вокзал... Назначенное время приближается. А мне всё тревожнее. Еду дальше, паркуюсь. Вот и условленное место. Выхожу из машины. Захожу в кафе. Ноги еле держат. Дышу часто. Сердце дрожит. Вот этот столик? Вот и она машет рукой и смотрит на меня. Она ли?

II

А она изменилась. Первая же ясная мысль. Очень изменилась. И нет, не в том смысле что стала старше на двадцать лет, есть вещи в человеческой внешности времени неподвластные. И нет, она оказалась очень красивой. Просто, просто... Мои обрывочные воспоминания совсем не совпали с увиденным. Я не почувствовал её. И никогда бы её не узнал, без подсказки, если бы рассматривал фотографии с корпоратива подруги, как она. Всё чужое, незнакомое. Чей-то голос, чьи-то глаза... Когда человек говорит тебе что это он, ты не сомневаешься в этом. Да и какой смысл обманывать? Но если допустить что это неправда?

Она улыбалась, что-то рассказывала об общих предметах, потом даже накрыла своей ладонью мою руку и её ладонь была холодна как лёд. А я сидел и всё не мог её вспомнить. Не мог ни за что зацепиться. Силился, но никак не мог. Мне даже показалось, что она больше похожа на Лену. Ту, вторую девушку из нашей компании. Ведь её я не видел всего на пару лет меньше. Я уже говорил, что когда Маша исчезла, наша компания тут же развалилась, а потом и я уехал из нашего города тоже. Я конечно ничего не сказал ей о своих сомнениях. Сидел, с натянутой улыбкой и старался поддерживать разговор. Но вот только тот запал, что появился во мне, когда она позвонила совсем пропал. Та искра, то сумасшествие, старая (новая?) любовь. Всё исчезло. Я сидел напротив красивой женщины, которой я по всей видимости был интересен, но ничего не чувствовал при этом. И не мог себя заставить. Напротив, мне даже стало неуютно. Не знаю, заметила ли это она. Уж точно я не хотел её обидеть, но актёр из меня конечно никакой. Мы сидели в кафе, пили кофе с пирожными, пока совсем не за вечерело, а ведь и встретились мы в пять часов, и после я отвёз её до дома. А жила она на противоположном от меня конце города. Она на прощание поцеловала меня в щёку холодными губами, что ещё больше остудило меня. Затем мы условились о скорой встрече и расстались уже навсегда.

III

Домой я не поехал, слишком запуталось всё в моей голове, сидеть в четырех стенах сейчас было бы душно. Во всех смыслах этого слова. И пусть я был простужен, но всё же... Сначала я колесил по городу в тишине. Слушая только шорох колёс, стук при переезде трамвайных путей и брусчатки, да свои мысли. А после пересек по вантовому мосту Даугаву и направился напрямик в Юрмалу, где уже через сорок минут бродил по песчаным пляжам и слушал The Cure. Они снова попадали в самую точку. Голос Роберта Смита дрожал в моих наушниках:

*Between you and me
It's hard to ever really know
Who to trust
How to think
What to believe
Between me and you
It's hard to ever really know
Who to choose
How to feel
What to do*

Ночь была безлунная и моря почти не было видно. Но с него настойчиво дул неприятный ветер. А на улице не было ни души. И это было здорово. Куча мыслей роились в голове. Мне никто не был нужен. Дефицит общения у меня не наблюдался. Рига вообще не тот город, где эмигрант из России страдает от недостатка общения. Тут не увидеть ни одной вывески на русском, но русской речи здесь предостаточно. Зайди в любое кафе, магазин... Создаётся впечатление, что работают здесь одни русские. Но сейчас мне не нужна была ничья речь и ничье общество. Мне отчего-то хотелось оказаться одному во всём мире. “Я хотел бы, чтобы ураган становился все сильнее и сильнее, чтобы обвалилась крыша, чтобы весна больше не пришла, чтобы наш дом исчез” – вспомнились мне строки Луи Фердинанда Селина. И ветер с моря задул ещё сильнее.

Совсем уже ночью, когда стало слишком холодно, а я был простывший и в одном легком кардигане, я вернулся в машину. И я как Анна Каренина чувствовал, как мои глаза блестят в темноте. По пустым дорогам я неспешно направился домой. Мне было немного грустно и немного весело. И эти чувства будто бы перетягивали меня, но оба были слабы и я оставался на своём изначальном месте.

Дома я сразу уснул. Мне снились странные сны. Снилось, что она – вовсе не она, а совсем незнакомая мне женщина, которая придумала изощренный план по убийству своего мужа моими руками, с отправкой меня по завершению преступления в места не столь отдалённые. Снилось, что она берёт у меня в долг крупную сумму денег и исчезает навсегда. Снился черный человек на набережной Даугавы и телебашня, тонущая в тумане. Утром я проснулся совершенно здоровым человеком.

1-2 апреля 2024 года
Санкт-Петербург

Экскалибур для антагониста

Длинным августовским вечером по двадцать третьему шоссе в направлении юга Ник гнал свой новенький чёрный Кадиллак Эльдорадо. На пассажирском сидении дремала его жена Марта, а за окнами проплывал солнечный штат Флорида. Редкие розовые облака тянулись по широкому лазурному небу к закату. Жара понемногу спадала и ночь обещала быть свежей и приятной. Ник держал руль и смотрел то вдаль, то налево. Справа только перманентно тянулось пустое унылое поле. Последние полчаса шоссе шло параллельно реке, лишь изредка отклоняясь от неё в сторону, но затем быстро возвращаясь обратно. Слева же от дороги местность была живописна: долина реки упиралась в холмы на горизонте, которые лоснились в лучах уходящего солнца. А по другую сторону реки, на дальнем берегу ярко зеленели апельсиновые рощи. Вечер прохладой опускался на горячий асфальт, а река блестела в лучах заката своими бурлящими водами.

Ник остро чувствовал всё это и думал о том, что может найти миллион слов и образов, чтобы описать окружающую его красоту. Ну или мог раньше... А всё потому что Ник поэт. Или был поэтом, если конечно бывают бывшие поэты. Нет, он не из тех парней, кто в юности сложил несколько четверостиший для девчонки из своего колледжа, он был настоящим поэтом. Чистокровным литератором. Ник издал четыре книги. Четыре сборника стихов и поэм. И пускай поэзия в наше время уже не так востребована как раньше и будь он каким-нибудь сценаристом в Голливуде или банальным газетным писакой, жаждущим до наживы, его контракт с издательством был бы не таким скромным. И не висел бы сейчас на волоске. Но Ник с ранних лет мечтал лишь об одном – стать тем, кем он стал – поэтом из Чикаго. И он ни за что на свете не променял бы это гордое звание, на звание богатого сценариста из Лос-Анджелеса. Такие вопросы его мало занимали. Как и деньги, собственно говоря. Несмотря на все перипетии человеком он считал себя важным и одарённым, кем по сути и был. И его честолюбие было ему к лицу, а такое встречается не часто. Ещё бы, он то настоящий поэт, пусть и переживает не самые лучшие времена. Это временно, как и любые напасти. Кроме смерти, пожалуй. Но он живой классик! Не то что этот выскочка Джон Митчелл, как гром среди ясного неба свалившийся на голову Ника.

Джон Митчелл со своим банальным именем! Его фотография в каждой газете – улыбка во все тридцать два зуба, никогда не сходящая с его лица. Он – хороший парень, которого все любят и он на сто процентов отыгрывает этот образ. Он ставит Бродвейский мюзикл, он озабочен нарушением прав человека в третьих странах, он помогает бездомным, он произносит речь в Городском совете Чикаго... А ещё он пишет и всё им написанное попадает точно в десятку!

Да, всё верно, только Джон Митчелл был не то чтобы выскочка, просто он был головной болью Ника. Моложе его, красивее, успешнее и самое обидное – кажется талантливее. Нет, Ник никому не говорил об этом и никогда бы ни публично, ни в конфиденциальной беседе не согласился бы с таким утверждением. Но в глубине души, внутри себя он давно это принял. Джон Митчелл со своим последним сборником “Экскалибур”! Да что там и говорить, школьницы зачитывались его творениями, романтичные юноши разбирали на цитаты для своих любовных писем его поэмы, популярная у тинейджеров рок-группа записала хит на одно из стихотворений. О, да! Если вы обычный обыватель, то вы ничего не смыслите в поэзии. Для вас все эти вопросы безразличны. Но для Ника это слово, поэзия, было созвучно самой жизни. Ибо по сути всю свою сознательную жизнь он и посвятил стихам. А чем она ему ответила взамен, эта жизнь? Всё медийное поле рядом со словом поэзия предательски звенело именем Джона Митчелла. Джон Митчелл здесь! Джон Митчелл там! Чуть ли не Шекспир нашего времени, чуть ли

не Байрон. Даже сейчас, когда они ехали в машине по радио несколько раз попадалась эта глупая песня, написанная им для этих безмозглых музыкантов! Ник кривил лицо и менял волну.

Джон Митчелл! Его “Экскалибур” камня на камне не оставил от “Торжества относительности” Ника. Ещё обиднее становилось и от того, что жили они в одном городе. Так став аутсайдером для всего как минимум англоязычного мира, Ник потерял и звание главного поэта Города ветров. У них был один издатель, но они никогда не пересекались лично. Кто-то в издательстве однажды пошутил, что они словно Лео Толстой и Федор Достоевский, были современниками, но так ни разу и не увиделись друг с другом.

Думает ли Джон обо мне? – иногда сам себе задавал вопрос Ник. Конечно должен думать! И не просто так думать! Читать и анализировать, в чём-то завидовать – сам же себе и отвечал он. Ведь до недавнего времени Ник всегда был первым номером. Но последние месяцы, последние полгода разговоры только и были, что о Джоне Митчелле. Даже среди его круга общения и это было обиднее всего. И Ник до последнего старался не замечать своего поражения. Даже когда позвонили из издательства, вызвать его на срочный и серьезный разговор, Ник до конца убеждал себя что всё в порядке. Но его босс был прямолинеен как никогда и быстро опустил Ника с небес на землю. Как бы то ни было, его не уволили. Хотя слово не очень подходящее. Как можно уволить поэта? Босс просто прямым текстом дал понять, что новых тиражей, мероприятий, а собственно и денег от его издательства Нику можно не ждать. Они не сжигают мосты, нет-нет, но это бизнес. Босс сказал, что они давно знакомы, поэтому он не может просто взять и выставить Ника на улицу. Они ведь ни одну собаку вместе съели. Но его последняя книга совсем не продаётся и акционеры (ох уж это перекладывание ответственности), что называется, нервничают. Поэзия в наше время занимает малюсенькую нишу в литературном мире – сказал он и показал это жестом указательного и большого пальца – и для вас двоих (и снова Джон Митчелл!) в ней слишком мало места, пойми, приятель! В общем получилось так, что он отправил Ника в бессрочный отпуск за свой счёт, кинув вслед фразу “Если будет что сказать нового – мой факс ты знаешь”.

После этих событий Ник два месяца почти не выходил из дома. Запирался в кабинете, пил свой привычный Эрл Грей с лимоном, да перечитывал в основном свои же книги. Рефлектировал, копался в себе. Марта старалась ему не мешать. Ей конечно очень хотелось поддержать мужа, но она не знала, с какой стороны к нему лучше подойти. Поэтому не донимала его лишними вопросами. А он в основном молчал и всё глубже погружался в себя. То есть в бездну.

А потом случилось страшное: вдруг ему стало казаться, что всё недавно написанное – совсем бездарно. По-ребячески наивно и пошло. Вторым этапом стало открытие того, что и старые произведения тоже пусты и несуразны. Между парами красивых рифм зияла пустота. Потом он открывал на первой попавшейся странице чужие книги, сходу читал текст и восхищался прочитанным, с горечью понимая как он далёк от этой красоты. Тогда он попытался написать хоть что-нибудь стоящее, но ничего не выходило. Всё было мимо, всё в молоко! Всё ещё дальше от чужого совершенства. Он как обычно писал от руки, чёрными чернилами на разлинованной бумаге. Он вообще не изменял своим привычкам. Писал, презрительно окидывал взглядом бумагу и тут же поджигал её о пламя стоящей на столе свечи. Пепел летел прямо на стол и вокруг него. Пачкал ладони, белую рубашку ниже локтей... Кабинет поэта понемногу превращался в пепелищ, а сам он напоминал падшего ангела. А потом он совсем перестал писать. Буквально не мог выдавить из себя больше ни строчки.

Именно тогда Марта и придумала эту поездку. Сидеть в четырёх стенах дальше было уже просто невозможно. Ник с каждым днём уходил в себя всё глубже, становясь порой просто невыносимым. А в гараже пылился купленный им год назад красавец чёрный Кадиллак Эльдорадо. Нужно было как-то спасти мужа, расшевелить его, остановить его падение в конце концов. Ник видимо тоже понимал это и поэтому сразу согласился на поездку. Мысль о путешествии через всю страну согрела его душу, снова вдохнула в него жизнь. Он как никто другой знал, что дорога – лучший друг художника. И дело тут не в Керуаке. Вернее не только в нём.

Собирались они недолго, ведь детей и домашних питомцев у них не было, не нужно было думать на кого оставить домашнее хозяйство. Полили цветы на окнах и в путь! Теперь, когда и Ник стал принадлежать самому себе, они стали свободны как никогда. Казалось что началась новая жизнь. Через пару дней Ник и Марта заперли на ключ свой большой, наполненный книгами дом и отправились в дальнюю дорогу.

Марта сидела рядом и дремала, иногда приходя в себя и интересуясь, не хочет ли Ник сам спать. А он ехал уже двенадцать часов подряд, не говоря о нескольких днях до этого и в действительности очень устал и чувствовал слабость во всём теле. И наверное от этого легко до беспамьятства погружался в свои мысли...

Детей у них не было. Потому что Ник боялся заводить детей. Он боялся ответственности что ли. Ему казалось, что дети так ненадёжны, что за ними глаз да глаз нужен. Ник постоянно рефлексировал (ещё бы, он же настоящий поэт). Не то что этот выскочка Джон Митчелл! Он часто вспоминал своё детство и ужасался тому, сколько раз он мог умереть. Утонуть, расшибиться на скользких прибрежных камнях, попасть под автомобиль или поезд, упасть с Гранд-Каньона на летних каникулах, сгореть вместе с деревянным хлевом, взорваться... Подумать только! Дети не то что не имеют чувства самосохранения, напротив – они только и думают как бы поскорее умереть. И не оставляют надежды это сделать, не прекращая попытки. Это же и объясняет почему дети так любят страшные истории. Мертвецов, скелетов, привидений. Да всё потому же – думал Ник – потому что это смерть. Небытие... Дай волю этим маленьким сорванцам, они весь мир, каждый божий день превратят в нескончаемый Хэллоуин. Интересно, у Джона Митчелла есть дети? Хотя чего он спрашивает. Он знает о Джоне наверное больше его мамы. Конечно у него есть дети, он же такой хороший, правильный парень... Пример для подражания для молодежи.

Мысли Ника прервала Марта.

– Ник, очнись! Мы едем по встречной полосе!

– Оу... Я случайно, извини. Со мной всё в порядке.

– Да нет, милый, нам нужно остановиться и как следует отдохнуть.

Ник знал, что Марта была права и они условились, что остановятся на ночлег в ближайшем мотеле. Но вот незадача, дорога всё бежала и бежала под колесами годовалого чёрного Кадиллака, а ни один мотель им так и не встретился. Ник уже и сам понимал, что дальше ехать невозможно и просто опасно. Он чувствовал себя так, словно его ударили обухом по голове. Ему казалось, что они едут слишком быстро, хотя на самом деле они уже не делали и шестидесяти миль в час. Один раз при перестроении он включил стеклоочистители вместо указателя поворота. И вот, когда Ник уже отчаялся и думал было остановиться спать на обочине, им на пути попался кемпинг. Даже не думая пара радостно переглядывается и решает заночевать в нём. Они находят, что это довольно романтично и даже лучше, чем спать в мотеле. Свежий воздух и всё такое. Давненько они не выбирались на природу. Да и в общем-то их решение безальтернативно в такой ситуации. А утром они продолжают своё путешествие, начатое в Чикаго и

заканчивающееся в Майами. Благо ехать оставалось уже совсем немного, они были в последнем штате. Буквально – дальше был только океан.

Кемпинг находился в низине, в излучине неширокой и спокойной реки и представлял из себя небольшую парковку, телефонную будку на ней, пару беседок со скамьями и столиками, кострище, да деревянную уборную. Дальше только двадцать футов берега, что резко уходил к воде. Кроме Ника и Марты там была ещё одна пара с детьми. Их серый минивэн стоял поодаль и соседи никак не мешали друг другу. Ник лишь обратил внимание на детей и то только потому что два мальчугана лет пяти были близнецами. Марта расстелила старый клетчатый плед прямо на мягкой траве. Подле пледа Ник разложил крошечный костёр из веток собранных на берегу реки. Они уютно расположились у небольшого огня, который не столько грел, сколько создавал своим видом уют и собрались засыпать. Единственное что портило этот прекрасный пейзаж – две огромные градири с красными огоньками лампочек на них, что торчали над макушками деревьев вверх по течению на другом берегу реки.

– Я видела это как-то раз в кино – сказала Марта – пара точно также осталась ночевать на берегу, а ночью началось страшное...

– Берег оказался на месте старого индейского кладбища?

– Не совсем...

– Или произошло нашествие зомби? Джейсон Вурхиз вылез из воды? Ха-ха, точно! Тогда ты знаешь что будет дальше! А когда ты уснёшь, к тебе во сне придёт Фредди Крюгер – весело смеясь продолжил свою мысль Ник. А после крепко обнял жену и потрепал её за волнистые волосы. И она ничего не ответив на его шутки, прижалась к нему спиной и стала засыпать. Николас тоже очень быстро уснул, словно провалился в небытие.

Только он уснул, ему тут же приснилось детство. Небольшая усадьба в Новой Англии, затерянная среди бескрайних сочных полей. Старый, но крепкий каменный дом, пепельного цвета, да деревянный хлев, который после сгорел, чуть не прибрал с собой маленького Ника. Всё, когда-то построенное его дедом по материнской линии – крепким и сильным стариком с огромной седой бородой. Ему приснился пасмурный дождливый день, каких было очень много здесь. Пасущаяся неподалёку соседская отара овец. Грязно-белый пёс. Тёмно-зелёная трава. И всё, всё остальное в сочных и холодных сине-зелёных тонах.

Берегом речушки Ник возвращался домой к обеду. Он как обычно гулял у океана. Слушал шум волн, бросал камни. Вода в тот день была беспокойна и бурлила грязной белой пеной. Брызги поднимались высоко и падали вниз на берег, так что казалось начался дождь. А дождь и правда начался, но чуть позднее. “Ники! Ники!” – услышал он и обернулся. На другом берегу реки в нескольких метрах от него стояла его бабушка и махала рукой. И он было двинулся в её сторону, но внезапно весь мир заволкло туманом и стало трудно дышать. Ник резко проснулся.

Марта, Марта... Она была сильно младше Ника, но очень его любила, как и он её. Ник старался мимикрировать под её поколение, а Марта под его. Таким образом они были где-то посередине и отлично гармонировали. Марта всегда поддерживала Ника и очень за него переживала. В общем-то кроме Ника, кроме её поэта, у неё никого и ничего не было больше.

Несколько лет назад она окончила экономический факультет Чикагского университета, но не спешила начинать работать. По правде, Марте вообще никогда не нравилась её специальность. На получении её настоял в своё время её отец, как собственно и позаботился о поступлении в университет. Потом отец умер, а Марта по честному, не лентяй и ни от чего не уваливая, в меру своих способностей закончила обучение. Её отец был бы доволен и ей было оттого спокойно.

Когда они только начинали встречаться с Ником, он однажды спросил:

– Что же ты во мне нашла, Марта? Я анахронизм, настоящий ретроград! Я скучен и вообще стар для тебя...

– Дело в том, Ник, что ты актив – который будет только дорожать. Как дипломированный экономист я уверена в целесообразности твоего приобретения – улыбаясь во весь рот ответила Марта.

Это она конечно так шутила, но в этом и была вся Марта! Своим юмором, своей иногда совсем детской несерьезностью она прекрасно дополняла Ника. Такого взрослого и важного, часто лишённого всего этого. Но когда приходили минуты, в которые и ей нужно было становиться взрослой и серьезной – она была ею.

Когда-то подобно её любимому Набокову она увлекалась бабочками и могла хоть сейчас рассказать всё что угодно, наверное про любую из них, пусть даже самую редкую. Ник даже написал несколько стихотворений, где фигурировали бабочки, так, чтобы порадовать Марту. Да и вообще, если задуматься, бабочка – очень красивый и яркий символ. А Марта и сама, со своими яркими зелёными глазами, со светлыми локонами, да с её всегда чудными платьями была похожа на экзотическую бабочку.

Когда они только познакомились, Марта не видела разницы между словами писатель и поэт. Зато сейчас в лёгкую могла бы стать хоть литературным критиком. Ещё бы, Ник жил литературой и весь их дом был заставлен книгами, это и приносило плоды. Муж определённо хорошо влиял на неё. Спустя некоторое время приносить новые книги в дом стала и сама Марта. Какие-то из них она даже прятала от глаз Ника, если книга была наивной и глупой. Ей хотелось быть достойной своего серьёзного мужа. Какие-то книги она прятала по другим причинам, да, да, например “Экскалибур” Джона Митчелла. С Ником гусеница Марта превратилась в бабочку Марту. Так-то.

Ник проснулся уже глубокой ночью. Вокруг была поразительная тишина, даже река и та казалось замолчала. Он вспомнил свой недавний сон. Поля и овцы, бабушка. Всё это так далеко! Целая пропасть теперь между ним и детством. Земля продана и связь с ней навсегда потеряна. Всё, что когда-то было построено его дедом, всё теперь чужое. Дед, бабушка давно в могиле. К чему всё это лезет в его уставшую голову?

Он вдохнул полной грудью ночную свежесть. Было тепло. Было легко. Чувство тревоги ото сна быстро его оставило. Забылось, растворилось в этой нежной ночи. И стало так спокойно, что Ник почувствовал себя только появившимся на свет божий. Он разбудил Марту долгим поцелуем в шею.

Редкие искры догорающего костра взмывали ввысь, мелькая в тёмном небе среди мириад звёзд. И небо отвечало им взаимностью: был август и звёзды по своему обычаю тоже падали с неба. Ник и Марта лежали на земле на одном лишь пледе, ничем не прикрываясь и глядели на эту завораживающую картину. Воздух и земля были тёплыми и нежными, трава под тонким покрывалом мягкой как перина. Потом они любили друг друга под этим звёздным небом и были счастливы как никогда раньше. Были счастливы здесь и сейчас. Как и подобает людям.

Вышло так, что ночью случилась серьёзная утечка хлора на химическом заводе на другом берегу реки. Был ранний час, малолюдная и сонная ночная смена обнаружила проблему слишком поздно. Ядовитый газ успел заполнить собой долину реки. Трава и полевые цветы потеряли свой цвет, став почти прозрачными. Утром никто не проснулся.

А в следующее воскресенье на первой полосе газеты “Чикаго трибьюн” был напечатан некролог для Ника. И написал его никто иной, как автор “Экскалибура” – великий и ужасный Джон Митчелл. Некролог начинался со слов: “Прощай мой враг, прощай мой друг”...

*Скрестите пальцы, господа!
Вы всё узнаете, но позже.
Пусть обретут мои слова
немалый вес и силу тоже.
Повержен враг и он же друг,
куда теперь держать дорогу?
Луна на небе чертит круг
и возвращается к порогу.
А я останусь здесь один,
Олимп мой – келья у монаха.
я выиграл всё и чёрт бы с ним,
но дальше что? Петля и плаха!*

30 декабря 2017
Санкт-Петербург

Последний альбом

I

Ветер с озера Мичиган завывал как в последний раз, дул из каждого переулочка, гнал пыль и мусор вверх по улице. В этом году осень пришла рано и удивила по настоящему зимней прохладой. В одну из ночей температура упала ниже тридцати двух градусов по Фаренгейту и все листья золотых октябрьских деревьев в миг опали. Мелкие лужицы на асфальте покрылись коркой льда. По утрам город, растеряв свои яркие краски так быстро стал сер и уныл. Ветром здесь конечно никого не удивишь, все знают прозвище Чикаго – город ветров. Но и без всяких удивлений этот ветер пронизывал насквозь. Пыль летела в глаза, лицо обветривалось, одним словом на улице находиться было неприятно. От того и так малоллюдно было в те дни в многомиллионном городе.

В один из таких дней, а вернее ранним вечером, из здания на углу Тои-авеню, что в Роджерс-парке вышел молодой (а может и не очень молодой) человек в тонком летнем, явно не по сезону надетом пальто, выдавшем виды. Пальто было тёмно-серое, как и город вокруг. Серое, как амбарная мышь. С большими и покрасневшими от холода и ветра ушами, в своём сером одеянии наш герой был сам похож на мышь. На большую антропоморфную мышь, ростом шесть футов и один дюйм. Город вокруг и не совсем был похож на тот Чикаго, каким его сейчас представляют. Тихий малоэтажный типовой район. Отсюда куда не посмотри не увидишь ни одной новомодной высотки. Ни Центра Джона Хэнкока, АОН, даже Сирс-тауэра – самого высокого здания в мире.

Он стоял на углу здания и закурил сигарету, блеснув во внезапно появившихся лучах вечернего солнца зажигалкой Zippo и издав характерный ей щелчок. На нём были модные пару лет назад солнечные очки Ray-Ban, в серой дымчатой оправе, выглядящие в этот холодный и пасмурный день чем-то инородным, простые черно-белые кеды Converse Chuck Taylor All-Star, так же давно не новые и вышеупомянутое серое пальто, в еле заметную чёрную клетку. Растрёпанные русые волосы средней длины. Что ещё? Пачка сигарет – красный Marlboro. Всегда красный Marlboro (так будут вспоминать о нём после).

Осенний холод по-видимому его совсем не тревожил, хоть и раскрасил розовым уши и щёки. Так оно и было: в том месте, где он родился, а это было в средней полосе Канады, такая погода считалась вполне тёплой и приятной. Ну кроме ветра, конечно. Тут всё же стоит отдать должное Чикаго. Столько лет прошло, а он к нему так и не привык.

И так, он закурил. Сделал затяжку, другую. Долго и бессмысленно смотрел вдаль. У японцев это кажется называется “боккетто”. Выкинул недокуренную сигарету в мусорный бак. Ещё какое-то время молодой человек недвижимо стоял на продуваемом всеми ветрами углу улицы, но это если смотреть на него издалека. Но в самом деле, он словно метался из угла в угол, излучая всем своим видом тревогу. А значит и рок-н-ролл. Потому что рок-н-ролл – это и есть тревога.

А ветер всё гнал и гнал мусор и песок вверх по улице. В какой-то момент у ног молодого человека оказался лист бумаги формата А4. Он наклонился и поднял его, это оказалась монохромная афиша, явно напечатанная кустарным образом. Она гласила, что 12 ноября группа “Сомнительные удовольствия” даёт концерт в одном из малоизвестных клубов на окраине Чикаго. Концерт был приурочен к выходу их первого альбома “Последний альбом” (такой вот оксюморон). Наш герой внимательно изучил афишу, аккуратно, словно по линейке сложил листок вчетверо, положил во внутренний карман пальто, закурил ещё одну сигарету и пошёл вместе с ветром вверх по улице. Неизвестно куда и неизвестно зачем.

II

Год был плохим. И если бы я хотел схитрить, то этот рассказ назывался бы “Дневник плохого года” или же альбом группы нашего героя имел бы такое название. Но я не буду никого обманывать. С моей стороны некрасиво воровать название романа Кутзее. А наш герой не мог его читать, потому как книга с таким названием вышла в нулевых, а наш герой обитает в восьмидесятых.

И так, год был плохим. Всё переплелось, словно клубок змей. Когда всё покатилося в пропасть? На самом деле предельно ясно, когда всё началось. Началось всё с кончины его лучшего и можно сказать единственного друга – известного поэта Николаса М. Нашего героя не было рядом, когда все это произошло. Он знал, что Ник страдал депрессией и более менее знал её причины. Они довольно часто созванивались и подолгу говорили. Он в те дни с группой был в затяжном туре, охватывающим почти каждый штат. Я забыл добавить, с бывшей своей группой. Почему всё переплетено? Потому что сначала погиб Николас, в середине тура, потом они выгнали его из группы, а после записали стопроцентный хит, который крутили сутки напролёт даже поп-радиостанции. А слова для этой песни взяли из книги Джона Митчелла “Экскилибур” – ещё одного известного поэта и по совместительству антагониста его друга. Наш герой был уверен – что это было сделано, чтобы окончательно добить его. Как успех Митчелла убил Ника. И пускай причиной его кончины является несчастный случай, это всё только итоги. Джон Митчелл – вот истинный палач его друга. Подлец, которому совесть позволяет называть Николаса своим другом. Николаса, с которым они не были даже знакомы. Николаса, чью жизнь он отравлял. И всё это происходило в течение нескольких месяцев.

III

В ночь на 13 ноября к уже известному зданию на углу Тои-авеню подъехало такси. Из него вышел знакомый нам молодой человек. Глубокая грусть лежала на его уставшем лице. Он курил, кашлял и чертыхался, когда доставал из багажника такси огромный и судя по всему тяжёлый чемодан. Минутой после такси с визгом сорвалось с места, обдав нашего героя облаком дыма. Наш герой остался стоять с отсутствующим взглядом и курить одну за одной, как бы пережевывая прошедший день. Не будем тянуть резину – первый концерт группы “Сомнительные удовольствия” совсем не вызвал аншлага. Да, на него пришли друзья (так называемые) и знакомые, но это было каплей в море. Особенно на фоне успеха его старой группы, которая теперь собирала полные залы по всей стране, а в данный момент и вовсе гастролирует где-то в Европе. Мир несправедлив, что уж тут. Кому-то всё, а кому-то и совсем ничего. Остаётся только развести руками. Он возненавидел своих бывших коллег. Он стоит здесь один, на продуваемой всеми ветрами улице, стоит никому не нужный. Без денег, без славы, потерявший единственного друга. А они, что добились его несчастного Николаса (а он действительно так считал), греются где-то на лазурном берегу или закатывают очередной банкет в шикарном ресторане.

Не каждому повезло так как Оззи Осборну. Его ведь тоже выкинули на улицу из своей группы, только вот он стал ещё круче без них. Восстал из пепла. Наш герой думал об этом, стоя с сигаретой на углу улицы. Только мысли эти совсем не воодушевляли его, а напротив.

Спустя какое-то время, когда окурок последней сигареты отправился в жестяную урну, молодой человек скрылся за массивной деревянной дверью. А через пару минут загорелся свет в окне под самой крышей. Да, там он и жил, там же и писал свою музыку и стихи, глядя в окно на свой серый город. Остальной дом был пуст (по крайней мере никто из людей в нём больше

не жил). В тёмных и сырых комнатах было пусто, лишь мышиная возня изредка нарушала тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.